Научная статья

УДК 81'367.622.12'44:316.42"1990/1991"

ББК 81.052

К 85

doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-43-53

Коннотативные имена собственные постсоветского периода: методика коммуникативного описания

(Рецензирована)

И. В. Крюкова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, kryukova-irina@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>

Аннотация.

Статья посвящена коннотативным именам собственным (коннотонимам), которые в постсоветский период (с начала 1990-х до наших дней) изменили или приобрели эмоционально-оценочные значения. Охарактеризована комплексная авторская методика коммуникативного описания данных имен, включающая последовательное применение нескольких методов: 1) контекстуального анализа – для определения разовых коннотативных значений в отдельных контекстах и последующее обобщение нескольких похожих значений, зафиксированных во многих контекстах с однотипным языковым окружением; 2) компонентного анализа – для выявления по каждому имени набора семантических признаков, характерных для его функционирования в последние тридцать лет; 3) стилистического анализа – для характеристики функциональной маркированности коннотонимов и возможностей их использования в качестве образного средства; 4) лингвистического сопоставления – для установления семантической динамики коннотативных имен на разных этапах их существования в рамках рассматриваемого периода. По результатам коммуникативного описания можно сделать вывод о том, что, приобретая свойства коннотонима, имена собственные проходят определенные стадии семантического развития от обозначения единичного объекта до полноценного понятия.

Ключевые слова:

постсоветский период, коннотоним, коммуникативное описание, контекстуальный анализ, компонентный анализ, стилистический анализ, лингвистическое сопоставление.

Для цитирования: Крюкова И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: методика коммуникативного описания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. 2021. № 2. С. 43-53. Doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-43-53

For citation: Kryukova I. V. Post-Soviet Connotative Proper Names: Methodology of Communicative Description // Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History. 2021. № 2. P. 43-53. Doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-43-53

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00578 «Коннотативные имена собственные

как инструмент социальной оценки: динамический аспект (на материале текстов постсоветского периода)».

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, the research project No.19-012-00578 “Connotative proper names as a tool of social assessment: dynamic aspect (on the material of Russian-language texts of the post-Soviet period)”.

Original Research Paper

Connotative proper names of the Post-Soviet period: methodology of communicative description

I.V. Kryukova

*Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia,
kryukova-irina@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9380-0693>*

Abstract.

The article is devoted to the connotative proper names (connotonyms), which changed or acquired emotional and evaluative meanings in the post-Soviet period (from the early 1990s to the present day). The author's complex methodology of communicative description of these names, which includes consistent application of several methods, is characterized. These methods are: 1) contextual analysis – to determine single connotative meanings in individual contexts and subsequent generalization of several similar meanings recorded in many contexts with the same linguistic environment; 2) component analysis – to identify for each name a set of semantic features characteristic of its functioning in the last thirty years; 3) stylistic analysis – to characterize the functional marking of connotative names and the possibilities of their use as a figurative means; 4) linguistic comparison – to establish the semantic dynamics of connotative names at different stages of their existence within the period under consideration. Based on the results of communicative description we can conclude that the proper names, acquiring the properties of connotative, pass through certain stages of semantic development – from the designation of a single object to a full-fledged concept.

Keywords:

Post-Soviet period, connotonym, communicative description, contextual analysis, component analysis, stylistic analysis, linguistic comparison.

Введение

Употребляя термин «конноативное имя», или коннотоним, введенный в научное употребление Е.С. Отиным, автором известного «Словаря коннотативных имен собственных» [1], имеем в виду имя собственное с широкой известностью в рамках языкового коллектива, с частой воспроизводимостью в речи в определенный период развития общества, с дополнительной информативностью и социальной оценочностью, которая отражает отношение данного коллектива к разнообразным явлениям

современной жизни [2: 16]. Такое понимание коннотативного имени как эмоционально-оценочного знака в рамках четко обозначенного хронотопа соответствует современной европейской традиции [3, 4].

Для исследования семантических трансформаций онимов наиболее показательны временные промежутки, в которых отмечаются значительные языковые изменения. С учетом данного положения ограничим материал исследования ономастических коннотаций постсоветским периодом, значимым в

лингвокультурологическом и социолингвистическом отношениях.

Суммируя взгляды социологов на постсоветский период, мы придерживаемся наиболее широкого подхода и определяем данный период как время становления нового российского государства с начала распада СССР (1990 - 1991 гг.) до наших дней. Постсоветский период характеризуется кризисом в экономической, социально-политической и духовной жизни в первое десятилетие, что связано с радикальной сменой власти и общественного строя, и относительной стабилизацией ситуации в дальнейшем [5]. К процессам, протекающим в русском языке в постсоветский период (политизация языка, криминализация языка, экспансия английского языка, появление новых слов и новых значений у старых слов и др.), в сумме отражающим трансформацию существующих ценностей общества, мы добавляем появление новых коннотативных онимов и изменение оценочного знака у уже существующих. Такие имена еще не были исследованы с точки зрения потенциальных способностей служить эмоционально-оценочным средством социальной оценки в русской речи последних трех десятилетий.

Это определяет актуальность и научную новизну предпринятого нами коммуникативного описания коннотативных имен собственных в рамках четко обозначенного периода.

Материалы и методы

При отборе коннотативных имен, в семантической структуре которых отмечаются социально-оценочные коннотации, учитывалось несколько причин, повлиявших на их появление в рассматриваемый период: 1) массовая переоценка ценностей советского периода привела к изменению оценочного знака у имен-советизмов (*Ленин, Сталин, Павлик Морозов, КПСС, Урюпинск, «Жигули», «Красная Москва»* и др.); 2) смена общественного строя в 1990-х, с

кардинальными изменениями в политической и экономической жизни, закрепила в речи многие имена переходного периода (*Горбачев, Леня Голубков, МММ, Макдоналдс, «Санта-Барбара», Чернобыль, Афганистан* и др.). 3) открытость границ и включение России в глобальное информационное пространство дополнили репертуар коннотативных имен собственных за счет имен-глобализмов (*Билл Гейтс, Голливуд, Кока Кола, «Сникерс», «Энерджайзер», «Лего», Барби, Пьер Карден, Франкенштейн, Рэмбо, Давос, Канада, Куршавель, Мать Тереза* и под.). Список коннотативных онимов последнего десятилетия постсоветского периода постоянно пополняется и другими именами, например, за счет имен ключевых фигур политики и бизнеса, а также названий объектов, формирующих новый образ жизни, мест антиправительственных акций и вооруженных конфликтов и т.п. (*Лукашенко, Зеленский, Саакашвили, Рублевка, Сирия, Майдан, Донецк, Болотная площадь* и др.).

Корпус собранных нами имен собственных постсоветского периода, которые в рассматриваемых временных рамках могут именоваться коннотативными, составляет 300 онимов, различных по денотативной отнесенности (антропонимы, топонимы, эргонимы и др.) и времени существования в языке. Функциональный подход к именам собственным такого типа открывает возможности для исследования ономастической коннотации в естественной языковой среде. Не случайно многие исследователи имен собственных отмечают, что именно функционирование в современной лингвокультурной среде трансформирует, расширяет и даже формирует семантическое пространство актуального онима [6: 80]. Для определения механизмов развития коннотаций у данных имен необходимо применение методики коммуникативного описания с единых теоретико-методологических позиций.

Под коммуникативным описанием мы понимаем выявление коннотативных значений, полученных из контекстуальной семантики коннотативного имени собственного, и определение совокупности семантических компонентов, нашедших отражение в разновременных контекстах употребления данного имени внутри рассматриваемого периода. При таком описании выявляются отдельные компоненты коннотативного значения, которые мы, вслед за И.С. Стерниным и А.В. Рудаковой, определяем как коммуникативные значения, это «совокупность сем, которые нашли актуализацию в зафиксированных контекстах употребления описываемого слова» [7: 44]. При этом отмечается разница между контекстуальным и коммуникативным значением. Если первое понимается как разовое значение, присущее только одному контексту, то второе – это обобщение наборов различных актуализированных сем, зафиксированных в контекстах [7: 45].

С опорой на данные положения определим последовательность коммуникативного описания коннотонимов постсоветского периода: выявление разовых коннотативных значений в отдельных контекстах, обобщение нескольких похожих значений, зафиксированных во многих однотипных контекстах, и на основании обобщения определение по каждому имени набора семантических признаков, характерных для его функционирования в последние тридцать лет.

Для коммуникативного описания коннотативных имен собственных применялась комплексная методика, включающая последовательное использование методов контекстуального, компонентного и стилистического анализа в параллельном сочетании с методом лингвистического сопоставления.

Результаты

Метод контекстуального анализа - это метод изучения окружения, в котором исследуется значение

языковой единицы [8: 98]. Этот метод мы используем для выявления текстовых фрагментов, в которых имя собственное зафиксировано в коннотативном значении, и для определения типа коннотативного значения в конкретном контекстуальном окружении.

Основным источником материала для контекстуального анализа стал «Национальный корпус русского языка» [9], включая газетный, региональный и устный подкорпусы. Хронологическое расположение контекстов употребления широко известных имен собственных постсоветского периода в этом общедоступном ресурсе поиска русских текстов помогает проследить динамику коннотативных значений и в итоге увидеть: 1) частотность употребления имени с социально-оценочными компонентами значения; 2) хронологическую последовательность коннотативных сдвигов в значении имени; 3) контекстуальные факторы, влияющие на оценочную неоднозначность.

Для подтверждения полученных результатов к материалу из Национального корпуса русского языка добавлялись фрагменты из других текстов массовой коммуникации трёх последних десятилетий. При отборе материала использовались произведения российских авторов безотносительно к их жанровой принадлежности и художественным достоинствам. Предпочтение отдавалось произведениям публицистики и массовой художественной литературы, поскольку именно такие тексты рассчитаны на широкую аудиторию и построены на стереотипах, важных в системе ценностных предпочтений общества в конкретный исторический период. Так был сформирован корпус из более чем 3000 достаточно разнородных контекстов, в сумме отражающих функционирование коннотонимов в качестве оценочного средства в текстах постсоветского периода.

В качестве единицы анализа использовался текстовый фрагмент, в котором имя не только называет субъекта или объект, но и выражает оценочное отношение автора текста, во-первых, к данному объекту, во-вторых, к другим объектам, которые обладают общими свойствами с исходным.

В первом случае мы имеем дело с онимическими коннотациями онима в атрибутивно-референтном употреблении, при котором имя обладает способностью давать социальную оценку кому- / чему-либо, но сохраняет статус имени собственного, т.к. обозначает конкретный единичный объект.

Например, *«Жигули»* – показатель низкого социального статуса. *Я подъехал к дому, лавируя между припаркованными машинами. В основном – «Жигули» и «Москвичи».* *Непрестижный район* (С. Лукьяненко. «Ночной дозор»). *Канары* – место отдыха для богатых, символ благосостояния. *Обещали Канары* (заголовки). *В 2002 году у россиян сорока лет и моложе появились персональные накопительные счета* (Комсомольская правда, 2007.02.03).

Заслуживают исследовательского внимания и имена, онимические коннотации которых, некогда активные, устарели к настоящему времени. Они отражают ценности общества на определенном этапе его развития. Например, название шоколадного батончика *«Сникерс»* благодаря яркой запоминающейся рекламе и относительно высокой цене изделия в 1990-е годы было символом обеспеченной жизни, платежеспособности. *Здоровый лось, «сникерс» дочке купить не в состоянии* (А. Моторов. «Преступление доктора Паровозова»). *Трехэтажные особы соседствуют с убогим жильем семей, чьи малолетние дети видели «сникерс» только в телерекламе* (Труд-7, 1999.09.28).

Во втором случае контексты показывают отношение автора к другим объектам, которые обладают

общими свойствами с исходным объектом. В данном случае можно говорить о постонимических коннотациях онима в нереферентном употреблении. Это массово употребляемые имена с устоявшимися социально-оценочными коннотациями, понятные в переносном употреблении представителям разных слоев общества и разных поколений. Они составляют подкласс прецедентных имен в корпусе коннотативных онимов, и, как любое прецедентное имя, используются не только для номинации, но и для образной характеристики различных объектов и явлений. В современной лингвистике предпринимаются попытки классификации прецедентных феноменов, к которым относятся прецедентные имена: прецедентные ситуации, события, поступки, календарная прецедентность и др. [10]. Многообразие источников прецедентности обусловило широкий спектр понятий, которые закрепляются за коннотативными именами разных разрядов (антропонимами, топонимами, прагматонимами, эргонимами, геотронимами и др.)

Контекстуальный анализ показал закрепление за каждым именем с постонимическими коннотациями определенных свойств. Энергичного неутомимого человека называют *Энерджайзером*, предателя – *Павликом Морозовым*, олигарха – *Абрамовичем*, культуриста – *Шварценеггером*, богатый и престижный район – *Рублевкой*, захолустный, отдаленный от центра район – *Урюпинском*, престижную кинопремию – *Оскаром*, обман, аферу – *МММ*, катастрофу – *Чернобылем* и т.п. Однако многие коннотонимы ассоциируются сразу с несколькими признаками одного объекта. Становится очевидной многозначность большинства рассмотренных имен, для определения которой целесообразно применение метода компонентного анализа.

Метод компонентного анализа предусматривает разложение языковых единиц на минимальные

семантические составляющие. Компонентный анализ можно отнести не только к собственно лингвистическим методам, но и к специальным методам коммуникативных исследований, т.е. использовать при коммуникативном описании лексических единиц, поскольку такой анализ полезен для выявления «тончайших различий между языковыми значениями, обуславливающие особенности их реализации в дискурсе» [11: 157]. Данный метод позволяет выявить различия между коннотативными семами одного имени в разных контекстах. Так определяются механизмы развития многозначности у коннотативного имени.

Например, употребленное в переносном значении название детского конструктора «Лего»: 1) «простота составления чего-либо из готовых фрагментов, компиляция». *Если хотите, это даже была не речь, а политический пазл, концептуальное «Лего», идейная «раскраска»* (Комсомольская правда, 2009.01.30); 2) «возможность менять что-либо местами и получать при этом новый результат». *Мы играем в химический «Лего», создавая соединения с новыми свойствами или пытаюсь заглянуть в живые системы, чтобы как минимум понять всю сложность происходящего («Эксперт», 2014); 3) «то, что можно легко сделать самостоятельно из разрозненных деталей по предложенному образцу». В ближайшие 10-15 лет нас ждет так называемое «лего-образование», которое будет выстраиваться множеством независимых игроков, а человек в течение всей жизни станет собирать свой индивидуальный образовательный конструктор* (Комсомольская правда, 2013.08.23). Как видно из приведенного примера, различные семы коннотативного имени актуализируют разные признаки одного и того же объекта – детского конструктора. При этом имя употребляется в речевых ситуациях, весьма

далеких от детского конструктора (в политическом, научном, педагогическом дискурсах).

Иногда при формировании переносных значений наблюдается смешение нескольких образов. К примеру, с распространением в постсоветский период массовой культуры Запада в русскую речь вошло имя доктора Франкенштейна, персонажа многих книжных, драматических и кинематографических адаптаций романа XIX века английской писательницы Мэри Шелли. Однако компонентный анализ имени *Франкенштейн* в коннотативных значениях показал смешение образов доктора, который создал из мертвой материи живое существо, превратившееся в чудовище, и самого чудовища. Это имя практически параллельно употребляется в трех различных переносных значениях: 1) «ученый, доктор, проводящий смелые и часто неэтичные эксперименты с живыми организмами» *Для секретных работ красному Франкенштейну Иванову, выделили валюту и создали обезьяний питомник в Сухуми* (Комсомольская правда, 2011.05.10); 2) «результат смелого эксперимента, который может обратиться против своего создателя». *Новейший Франкенштейн – Нацпроекты начинают работать против своих создателей* (РИА Новости, 2006.09.05); 3) «тот, кто может испугать своим внешним видом, страшный, уродливый». *Да, я радовался своему безобразию – конопатый, ушастый, с жуткими гнилыми зубами, такой советский Франкенштейн* (РБК Daily, 2010.08.16).

Стилистический анализ направлен на выявление способов выражения оттенков смысла. Этот метод пересекается с контекстуальным и компонентным анализом, поскольку у них общий предмет исследования – коннотативная семантика контекстуального употребления имени.

Стилистический анализ помогает определить функциональную маркированность коннотативных

имен (разговорное, ироническое, пренебрежительное и т.п.), а также увидеть возможности использования коннотонимов в качестве образных средств метафорической группы:

– образных сравнений: *Просто грешно под достойные царских палат люстры стелить обычный линолеум. Как нельзя к галстуку от Кардена покупать пиджак фабрики «Большевичка»* (Заполярная правда, 2002.03.28). *От мрамора и гранита сланец отличается примерно так же, как отличается мятый пиджак Пьера Кардена от выглаженного костюма фабрики «Большевичка»* (Форум «Строим дом», 2008).

– метафоры в сочетании с плюрализацией (употреблением онима во множественном числе): *Вы хотите, чтобы у нас на площадях бежали десятки таких Саакашвили? Вы хотите, чтобы мы переживали от одного Майдана к другому? Чтобы у нас были попытки государственных переворотов?* (ИА Новостной фронт, 2017.12.14);

– метафоры в составе иронии: *Местный Рэмбо собирался поставить город Артем «на уши»* (газ. «Владивосток», 1997.04.02). *«Сорочинский Куршавель» дяди Пети получил статус горнолыжной базы* (АиФ-Оренбург, 2017.12.22); в том числе иронии с отрицанием: *Все прекрасно знают, что Абрамович совсем не Билл Гейтс, и ничего путного на родине предков вроде пока не придумал* (Труд-7, 2003.07.17). *Наука – это ж не Голливуд, где каждый Спилберг может все что угодно напридумывать* (Комсомольская правда, 2001.11.30).

– нескольких имен с общим коннотативным значением, объединенных с нарицательными именами в перечислительных градационных рядах: *Виной тому и наша бедность, и агрессивность, отсутствие закона, шаткость власти, Чернобыль, Афган, Чечня* (Огонек». 1991. № 14). *Голливуд, «Макдоналдс», кока-кола, «Intel», «Microsoft», свобода, демократия – а на вершине всего этого*

империализм, Ирак, война («Эксперт: Вещь», 2003.12.22).

– имен-метафор с контрастными коннотативными значениями в антитезных конструкциях. Например, на оценочной шкале «роскошный, элитный» и «простой, обычный»: *Ведь их же не на Канары надобно вывозить, а в какой-то ближний поселок с газом и электричеством.* (Комсомольская правда, 2006.06.06); или «бескорыстный» и «стремящийся к личной выгоде»: *Я вам не мать Тереза, а бизнесвумен* (Комсомольская правда, 2004.02.16); или «живой, эмоциональный» и «бесчувственный, бессмысленный»: *Это книжный магазин, а не Макдоналдс. Здесь не нужны мальчики и девочки с бессмысленными глазами* (Завтра, 2008.07.16) и т.п.

Давно доказано, что именам собственным в их обычном нейтральном употреблении не свойственна многозначность, а также синонимия и антонимия [12, 13]. Однако стилистический анализ коннотонимов постсоветского периода дает возможность увидеть семантические трансформации имени собственного, приводящие не только к развитию многозначности коннотативного имени, но и к формированию синонимических и антонимических отношений между онимами с одинаковыми или противоположными оценочными знаками. Таким образом, коннотативные имена собственные – это стилистический ресурс, к которому авторы текстов постсоветского периода прибегают в поисках яркого образа, лаконичной социальной оценки субъекта, объекта или явления окружающего мира.

При использовании **сопоставительного метода** устанавливается семантическая динамика коннотативных имен на разных этапах их существования, т.е. сопоставляются коннотативные значения онимов, относящиеся как минимум к двум синхронным срезам. Здесь следует заметить, что вопрос о синхронии-диахронии применительно к

коннотонимам решается особым образом, поскольку семантические трансформации происходят буквально на глазах исследователя. Внутри рассматриваемого тридцатилетнего периода отмечается обширная область случаев промежуточных колебаний коннотативной семантики, для установления границ, между которыми нужны синхронные срезы.

Взаимосвязанные понятия «синхронный срез» и «синхронное состояние» языка, которые в современном языкознании часто употребляются параллельно, введены в научный оборот еще Ф. де Соссюром. Эти понятия позволяют понять, что «система всегда моментальна; она видоизменяется от позиции к позиции» [14: 121], а «состояние языка не есть математическая точка. Это более или менее продолжительный промежуток времени, в течение которого сумма происходящих изменений остается ничтожно малой. Он может равняться десяти годам, жизни одного поколения, одному столетию и даже больше» [14: 133]. А значит количество синхронных срезов величина непостоянная, она может быть определена только по отношению к конкретным языковым единицам.

Последовательное развитие переносных значений демонстрирует анализ контекстов их употребления, относящихся к двум синхронным срезам: 1998–2008 гг., когда у большинства рассмотренных имен были зафиксированы первичные переносные значения; и 2009–2019 гг., когда были отмечены достаточно регулярные трансформации первичных переносных значений.

Сопоставление имен на уровне двух синхронных срезов внутри постсоветского периода помогает установить условные границы между старыми и новыми коннотативными значениями и увидеть общие признаки в семантической динамике разных коннотативных имен.

Во-первых, наблюдается достаточно регулярное движение от

конкретных коннотативных значений к абстрактным. Например, первоначально название одного из самых длинных сериалов *«Санта-Барбара»* встречалось во многих контекстах в переносном значении «любой длинный сериал», затем название сериала стало использоваться для номинации любых сложных запутанных внутрисемейных отношений. А в последние десять лет встречаем это название в расширенном значении «интриги, скандалы, долгое выяснение отношений в политической, экономической и др. социальных сферах»: *«Санта-Барбара» по-нурлатски (заголовок). Свое решение об отставке Наиль Шакирович согласовал с президентом* (Бизнес-газета, 2013.09.20). *Из-за главы штаба Собчак разыгралась какая-то «Санта-Барбара»* (РосБалт, 2017.10.24). *«Это какая-то чудесная “Санта-Барбара”»*: *Рогозин рассказал РБК о приглашении NASA, деле ученого о госизмене и дырке в МКС* (РБК. Политика, 2019.01.10). У топонима *Чернобыль* отмечается расширение переносного значения от «любая техногенная катастрофа» до просто «катастрофа». При этом обнаруживается новая лексическая сочетаемость, имя *Чернобыль* употребляется с определителями *нефтяной, химический, экологический, политический, культурный* и т.п. и обозначает любое катастрофическое положение дел, совсем не связанных с аварией на Чернобыльской АЭС. *Нации грозит духовный Чернобыль* (Комсомольская правда, 1998.12.17). *Критики называют «Евровидение» культурным Чернобылем* (Новая газета, 2009.05.18). *Нужно действовать сейчас, иначе мы получим «экологический Чернобыль»* (Известия, 2019.07.24).

Во-вторых, для многих имен характерно развитие амбивалентных оценочных значений. Например, имена политических лидеров с кардинально противоположными

социально-оценочными коннотациями отражают изменения в политической ситуации и в соотношении сил на политической арене, которое существенным образом влияет на общественное мнение. К примеру, у антропонима *Сталин* в первом синхронном срезе доминирует крайне негативное переносное значение «дееспот, тиран, преступник». Значение сформировалось в 1990-е, когда рассекречивание многих архивов и публикации ранее запрещенных авторов повлияли на социальную оценку личности Сталина. Имя употребляется в форме множественного числа и включается в перечислительные ряды с другими антропонимами, сходными в эмоционально-оценочном плане. *Все они одним миром мазаны – все эти сталины, ленины, гитлеры, пол-поты... Все это одна компания* (А. Яковлев. У нас был фашизм почище гитлеровского, 2001). Во втором синхронном срезе набирает популярность значение с позитивной оценкой, обусловленное общественными движениями в поддержку «сильной руки» во власти – «сильный вождь, способный навести порядок в стране». *Сталин нужен? Сталин нужен! Сталин нужен!!! Путин сильный президент, а сейчас нужен вождь. Нужна чистка правящей элиты, а это может сделать только вождь* (Завтра, 2018.05.31).

Причем практически аналогичная амбивалентная оценка наблюдается и у имен современных политических лидеров. Например, у антропонима *Лукашенко* наиболее частотное негативное переносное значение в первом синхронном срезе – «политик-диктатор». *Полицейские забросали храм газовыми гранатами, людей (в том числе детей) избивали даже на паперти. Грузией правит второй Лукашенко* (Известия, 2007.11.07). А во втором синхронном срезе, при сохранении первого значения, достаточно регулярно позитивное переносное значение «глава государства, который может навести

порядок в стране». *Павел Николаевич Грудинин, который является директором совхоза, это второй Лукашенко. Все мы видим, как живет Белоруссия без нефти, без газа. Там порядок, там сельское хозяйство находится на высоком уровне* (Столица, 2017.12.29). В сумме подобные коннотативные значения отражают неоднозначную, крайне противоречивую оценку многих политических событий.

Заключение

В заключение отметим, что результаты коммуникативного описания коннотонимов постсоветского периода с последовательным использованием методов контекстуального, компонентного и стилистического анализа в сочетании с методом лингвистического сопоставления имеют теоретическое значение:

- вносят вклад в исследование дискуссионной проблемы семантики имени собственного,

- дополняют существующие системные представления о семантических изменениях в лексической системе русского языка (метафоризация, развитие многозначности, возникновение устойчивых словосочетаний),

- позволяют получить научные данные о трансформации ценностных представлений и установок общества на определенном этапе (отношение к материальным и духовным ценностям, к развитию процессов глобализации и результатам этих процессов, к событиям недавней истории и знаковым событиям последнего времени и т.п.).

Кроме того, исследование каждого коннотативного онима постсоветского периода по представленной выше методике открывает перспективы для практического применения полученных результатов лексикографического описания данного пласта ономастической лексики в словаре коннотативных имен собственных постсоветского периода, над которым в настоящее время работает наша проблемная группа.

Примечания:

1. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004. 412 с.
2. Крюкова И.В., Врублевская О.В. Кирпичева О.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки. Волгоград: Перемена, 2020. 199 с.
3. Nicolaisen W.F.H. Are there Connotative Names? // Names. A Journal of Onomastics. 1978. Vol. 26. P. 41-47.
4. Nyström S. Names and Meaning // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. P. 39-51.
5. Маркедонов С.М. Постсоветское пространство: прощание с дефиницией? // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. Москва: НП РСМД, 2017. С. 374-381.
6. Пономаренко И.Н., Беданокowa З.К. К вопросу о семантике имени собственного // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2018. Вып. 4 (227). С. 76-82.
7. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 2011. 192 с.
8. Шаховский В.И., Шейгал Е.И. Методика лингвистических исследований. Волгоград: Перемена, 2008. 123 с.
9. НКРЯ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.04.2021).
10. Нахимова Е.А. О классификации и дифференциации прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 41-46.
11. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. Москва: Гнгозис, 2011. 224 с.
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Москва: ЛКИ, 2007. 368 с.
13. Теория и методика ономастических исследований. Москва: Наука, 2007. 258 с.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. А.М. Сухотина. Москва: Гос. соц.-эконом. изд-во. 1933. 432 с.

References

1. Otin E.S. Dictionary of connotative proper names. Donetsk: Yugo-Vostok Ltd., 2004. 412 pp.
2. Kryukova I.V., Vrublevskaya O.V., Kirpicheva O.V. Connotative proper names of the post-Soviet period as a tool of social assessment. Volgograd: Peremena, 2020. 199 pp.
3. Nicolaisen W.F.H. Are there Connotative Names? // Names. A Journal of Onomastics. 1978. Vol. 26. P. 41-47.
4. Nyström S. Names and Meaning // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. P. 39-51.
5. Markedonov S.M. Post-Soviet space: a farewell to definition? // Evolution of the Post-Soviet Space: the Past, the Present and the Future: a textbook. M.: NP RSMD, 2017. P. 374-381.
6. Ponomarenko I.N., Bedanokova Z.K. On semantics of a proper name // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Arts. 2018. Iss. 4 (227). P. 76-82.
7. Sternin I.A., Rudakova A.V. Psycholinguistic meaning of a word and its description. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 2011. 192 pp.
8. Shakhovsky V.I., Sheigal E.I. Methodology of linguistic research. Volgograd: Peremena, 2008. 123 pp.

9. NKRYaNational Corpus of the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (date of access: 10.04.2021).

10. Nakhimova E.A. Classification and differentiation of the types of precedent phenomena in political communication // Political Linguistics. 2018. No. 1 (67). P. 41-47.

11. Leontovich O.A. Methods of communicative research. Moscow: Gnozis, 2011. 224 pp.

12. Superanskaya A.V. General theory of proper names. Moscow: LKI, 2007. 368 pp.

13. Theory and methods of onomastic research. Moscow: Nauka, 2007. 256 pp.

14. Saussure F. de. Course in General Linguistics / transl. by A.M. Sukhotin. Moscow: Gos. sots.-ekonom. izd-vo. 1933. 432 pp.

Статья поступила в редакцию 17.05.2021; одобрена после рецензирования 20.06.2021; принята к публикации 30.06.2021.

The paper was submitted 17.05.2021; approved after reviewing 20.06.2021; accepted for publication 30.06.2021.

© И. В. Крюкова, 2021